

Чиновник Вэнь отбыл в провинцию Шу.

На следующее утро, обсудив дела местного управления, старые министры преклонили колени в зале. Голова Чу Юаня снова разболелась, стоило ему лишь взглянуть на мемориал перед собой — он и без того знал, о чём в нём говорится.

— Ваше Величество, мы действительно не можем больше откладывать это! — с жаром и искренностью заговорил министр Ван.

— Что именно нельзя откладывать? — невозмутимо спросил Чу Юань, прекрасно зная, какой ответ последует.

— Разумеется, отбор наложниц со всей империи во дворец, — ответил Ван.

— Мы уже говорили: пока на северо-западе не усмирены волнения, этот вопрос отложен, — нахмурился император.

— Ваше Величество! — министр Ван коснулся лбом пола. — Беспорядки на северо-западе длятся не первый год. Покойный император направлял великого генерала Ши Хуяня для подавления мятежей более десяти раз, истратив свыше двадцати лет, и всё равно так и не смог полностью искоренить угрозу. Племена Мобэя («Северной пустыни») по-прежнему алчно взирают на земли Великой Чу. Если продолжать всё откладывать, боюсь, это обернётся серьёзной ошибкой!

— Вэнь Люнянь, — Чу Юань устало потёр виски.

Придворные переглянулись, не понимая, к чему клонит правитель.

— Что только что сказал Его Величество?.. — с изумлением прошептал один из сановников.

«Причём тут Вэнь Люнянь?» — озадаченно подумал министр Ван.

— Этот покорный слуга выражает своё почтение Его Величеству! — Вэнь Люнянь вышел вперёд и склонился в поклоне.

Лишь тогда все заметили, что за спинами чиновников неизвестно сколько стоял ещё один человек.

— Что ты думаешь по этому поводу? — спросил император.

Вэнь Люнянь невольно потянулся почесать щеку, но, спохватившись, поспешно убрал руку.

Вчера государь лишь мимоходом обмолвился, что на утреннем совете будет обсуждаться некое важное дело, но так и не уточнил, какое именно. Юноша полагал, что речь пойдёт, как минимум, о расширении канала в Цзяннани или подготовке военной кампании на северо-западе. То, что обсуждение затронет выбор наложниц и назначение императрицы, он и представить не мог.

— Почему молчишь? — раздражённо спросил император.

— Отвечаю Вашему Величеству, — прочистив горло, Вэнь Люнянь громко и отчётливо заговорил: — По мнению вашего покорного слуги, военные действия на северо-западе вряд ли продлятся дольше трёх лет. За это время нам удастся отбросить мятежников далеко на север, вернув мир и спокойствие на границы.

— Откуда такая уверенность? — с интересом спросил император.

Вэнь Люнянь поспешил добавить:

— Разумеется, всё это станет возможным благодаря могуществу Вашего Величества, потрясающему девять регионов Поднебесной!

Сановники переглянулись. Лесть, конечно, в придворной речи не редкость, но столь откровенная и без тени притворства — встречается нечасто.

Уголки губ императора дрогнули.

— Кроме того, как справедливо заметил достопочтенный министр, покойный император и впрямь потратил двадцать лет на подавление мятежей, — продолжил Вэнь Люнянь. — Хотя племена Мобэя и славятся отвагой и воинским мастерством, их запасы продовольствия не сравнятся с нашими. Их недавние набеги на границы продиктованы не столько алчностью, сколько отчаянной нуждой. Годы войны довели степь до жизни в постоянном страхе и тревоге*. Каждое дуновение ветра, каждый шелест воспринимается ими как угроза — ни покоя, ни возможности сделать запасы. Единственный путь выжить в приближающуюся зиму — прибегать к открытому грабежу.

*风声鹤唳 (fēngshēng hè lì, sāomù jiēbīng) — «Шум ветра и крики журавлей, в каждом дереве и травинке видят вражеского солдата». Обозначает парализующий страх, в котором каждое движение кажется угрозой.

— И что с того? — пренебрежительно бросил господин Ван. — Народы Мобэя испокон веков кочуют в поисках воды и пастбищ. Такой образ жизни — не следствие нынешних обстоятельств, а их устоявшаяся традиция.

— Возможно, — спокойно возразил Вэнь Люнянь. — Но частые поражения — явление недавнее.

Да, воины Мобэя отважны, но в военном деле недостаточно одной физической силы. Куда важнее — стратегия. Во времена покойного императора племена пустыни возглавлял Канха, прозванный «Шакалом Пустыни». Он был не просто вождём, но выдающимся полководцем, стратегом, с которым было крайне трудно тягаться. Пусть он и пал от руки наших доблестных воинов у реки Хуэр (река «Тигрénка/Маленького Тигра») — нельзя отрицать, что тогдашний Мобэй был серьёзной угрозой.

Сейчас всё иначе. Племена разобщены, с трудом недавно объединённые одним из кланов, и до былой мощи им ещё далеко. Их силы разрознены, они больше напоминают толпу беглых отрядов, чем полноценную армию. Нынешний Мобэй — это уже не тот грозный противник, каким был прежде.

А Великая Чу, напротив, переживает расцвет военной мощи. Годы сражений закалили наши войска* — теперь они прекрасно знают, как вести войну в условиях пустыни. Великий полководец Шэнь Цяньфань командует с поистине несравненным искусством, одерживая одну победу за другой.

*兵强马壮 (bīng qiáng mǎ zhuàng) — букв. «сильные солдаты и выносливые лошади» (идиома); фиг. хорошо обученная и мощная армия.

И, самое главное, у нас есть вы — император, мудрый и доблестный, блистающий прозорливостью и отвагой. С таким правителем во главе... разве может жалкая горстка кочевых разбойников по-настоящему угрожать Великой Чу?

— Если угрозы нет, — с нажимом произнёс господин Ван, — тем более следует подумать о столь важном деле, как выбор наложниц и назначение императрицы. К чему тянуть?

— Отбор наложниц — на словах дело несложное, но по факту потребует десятков тысяч лянов серебра, — весомо ответил Вэнь Люнянь. — В последние годы в Цзяннани неоднократно происходили наводнения. Двор, не щадя средств, распорядился изменить русло Великого канала. Не знаю, доводилось ли вам, достопочтенный господин, бывать на месте лично? До сих пор тысячи рабочих, не щадя сил, трудятся день и ночь — под палящим солнцем и в пронизывающий холод.

Даже если до дома рукой подать — всего десяток ли, — и то редко кто из них может вырваться, чтобы увидеть семью. Всё ради того, чтобы успеть завершить работы до начала паводков и сохранить плодородную землю, питающую страну рисом и рыбой.

Если сейчас начать массовый отбор наложниц, то, во-первых, мы перегрузим и без того обременённое управление Цзяннани, а во-вторых — и это не менее важно — народ этого попросту не поймёт. В глазах простого люда подобные действия будут выглядеть как расточительство и равнодушие к их нуждам.

В зале повисла тишина.

— Его Величество изо дня в день трудится, не зная покоя, всей душой и разумом отдаваясь делам государства*. Если бы покойный император мог это увидеть, он, несомненно, был бы глубоко тронут и обрадован, — голос Вэнь Люняня дрожал, в нём звучала искренняя скорбь. Казалось, ещё немного — и он сам расплачется, упав ниц на пол.

***殫精竭慮** (dānjīngjiélǜ) — «истощать силы и мысли»; идиома, обозначающая крайнее самоотверженное служение на благо государства.

Чу Юань, лениво поглаживая подбородок, окинул взглядом притихший зал:

— Кто-нибудь из вас, мои дорогие министры, ещё желает высказаться?

Ответа не последовало — никто не осмелился возразить.

— Это — экзаменационная работа, — сказал император, кивнув. Сыси подал свитки для ознакомления сановникам. — В день экзамена чиновник* Вэнь был нездоров и не успел завершить сочинение. Однако его талант оказался столь выдающимся, что тайфу сам передал работу мне. Это, конечно, нарушает установленный порядок. Поэтому я спрашиваю вас, почтенные министры, следует ли даровать ему третье место?

***愛卿** (àiqīng) — букв. «любимый подданный» или «мой преданный сановник». Это старинное исключительно императорское обращение к чиновникам высокого ранга, показывающее доверие и расположение. Чу Юань так ко всем своим министрам обращается, что здесь, что в других главах.

Раз Вэнь Люнянь уже назван «чиновником», то даже если бы речь шла о первом месте, никто бы и слова не сказал. Все дружно закивали, наперебой начав поздравлять.

— Так вы почувствовали недомогание именно в день экзамена, или болезнь длится уже давно? — с прищуром осведомился министр Ван.

Вэнь Люнянь смущённо почесал щёку:

— Накануне экзамена не удержался и съел двух жареных уток... Вот и скрутило живот.

Чу Юань громко рассмеялся.

Господин Ван:

— ...

— Министр Чжан, — произнёс Чу Юань, — если вы уже закончили читать эту часть работы, передайте её господину Ли. Он с самого начала тянется на цыпочках, заглядывая через плечо.

Зал разразился весёлым смехом.

Заместитель министра работ*, Чжан Ли, опомнившись и, поклонившись, сказал:

— Хоть сочинение и невелико по объёму, предложенные в нём методы управления водными ресурсами поражают глубиной мысли. Признаюсь, мне стало стыдно за себя.

*工部 (Gōng Bù) — Министерство работ (в императорском Китае).

— Если у кого-то из уважаемых чиновников ещё остались сомнения, прошу не стесняться — высказывайтесь, — продолжил император. — Я тоже хочу знать, какого таланта лишилась бы Великая Чу, если бы не настойчивость тайфу... и те самые утки.

Вэнь Люняню снова нестерпимо захотелось почесать щёку.

«Ну почему опять эти утки... И ведь даже не поел толком — одна кожа да кости».

Императорские экзамены проводились при дворе с давних времён, но ещё никогда они не проходили так, как сегодня: целый зал сановников спорил с одним человеком. Такого прежде не бывало.

Вэнь Люнянь говорил уверенно, ни громко, ни тихо, но сдержанно и ясно. Если собеседник действительно хотел что-то обсудить — отвечал обстоятельно. А если кто-то пытался бросить колкость или язвить — он перехватывал инициативу и отвечал столь искусно, что ни возразить, ни придрасться было невозможно.

Когда заседание завершилось и министры начали расходиться, Вэнь Люнянь отряхнул рукава, мило улыбнулся и скромно произнёс:

— Благодарю вас.

Его фигура словно светилась спокойной уверенностью, благородством и учёной грацией.

В сердце Чу Юаня разлилось тихое, глубокое удовлетворение — действительно, это был самый радостный день за долгое время. Тема отбора наложниц была окончательно снята с повестки, и в ближайшем будущем явно не появится вновь.

□□□

Вэнь Люнянь проехал* по главной улице с большим алым шелковым цветком на груди, а вслед ему по дороге звенели гонги и играли соны. Народ толпился по обе стороны улицы, глядя на него, и все в один голос говорили:

— Неудивительно, что именно он стал таньхуа — и правда чертовски красив!

*舞 (уóуцǐè) — «Шествие по улицам». Торжественный парад в честь лучших выпускников имперских экзаменов.

На следующий день министр Лю Дацзюнь с оживлённым лицом подошёл и спросил чиновника:

— Господин Вэнь, скажите, вы уже женаты?

— Ещё нет, ещё нет, — с лучезарной улыбкой ответил тот, показывая ряд безупречно белых зубов.

— Замечательно! — обрадованно воскликнул Лю Дацзюнь и хлопнул себя по бедру, уже в уме прикидывая, на какой из племянниц его можно было бы женить... Но прежде, чем он успел воплотить свои планы в жизнь, был издан указ: Вэнь Люнянь назначался уездным магистратом седьмого ранга в город Юньлань, расположенный в провинции Шу.

Министры были искренне озадачены столь неожиданным поворотом. Видя, как высоко Его Величество ценит нового чиновника, они были уверены, что тот останется в столице и займёт должность при дворе. Почему же, напротив, его отправляют на юг, в далёкие земли Шу?

У Чу Юаня, однако, были свои соображения. Изначально он действительно намеревался оставить Люняня при дворе, но тот сам выразил желание несколько лет послужить на месте. Император охотно согласился и направил его в город Юньлань в провинции Шу, на должность уездного магистрата — туда, где находился дворец Чжуйин («Преследующих Теней»). Если уж Вэнь Люнянь сумел в зале совета спокойно опровергать позиции старших министров, то, быть может, он сумеет склонить на службу и главу дворца Чжуйин — Цинь Шаоюя. А это уже была бы совсем иная победа.

Десять дней спустя радостный Вэнь Люнянь покинул королевский город и отправился в Юньлань, чтобы вступить в должность.

Таким образом, до самого отъезда чиновника, княжеская юго-западная резиденция получала секретные донесения примерно такого содержания:

«Его Величество и талантливый учёный с юга проговорили всю ночь»

«Учёного зовут Вэнь Люнянь»

«Вэнь Люнянь — необыкновенно красивый мужчина, которым император крайне доволен. Его Величество ежедневно вызывает его во дворец, даже приглашает отобедать вместе с ним, и специально приказывает императорской кухне приготовить жареную утку»

«Господин Лю Дацзюн пытался устроить брак, но был лично остановлен Его Величеством»

Как раз, когда Дуань Байюэ, окутанный тёмной аурой раздражения, уже собирался среди ночи мчаться в столицу, прибыло ещё срочное донесение:

«Тот самый Вэнь... уехал. Назначен уездным магистратом в Юньлань»

— ...

С нахмуренным лицом Дуань Байюэ начал снимать седло с коня обратно.

Дуань Яо, прижавшись спиной к стене, осторожно крался к своей спальне, стараясь не издавать ни звука.

— Яо-эр! — раздался грозный окрик.

Подросток тяжело вздохнул: ну как его опять обнаружили?

— Где ты был? — нахмурился старший, глядя на брата.

— Да в лесу, за горой, — Дуань Яо держал в руках двух змей. — Только что поймал. Будем есть?

— ...

— Ну... я тогда пошёл, — он поспешно развернулся, надеясь скрыться.

— Вернись! — голос старшего прозвучал грозно и не терпел возражений.

— ...

— С кем ты уже подрался? — Дуань Байюэ схватил его за ухо.

— О ветку поцарапался, — буркнул Дуань Яо.

— С кем?! — лицо Байюэ потемнело ещё больше. В юго-западной резиденции не было никого,

кто посмел бы тронуть его младшего брата.

— Не знаю, — беззастенчиво пожал плечами мальчишка.

Дуань Байюэ пристально уставился на него.

— Говори! — голос стал низким и опасным.

Дуань Яо, схватившись за голову, сел на корточки, даже позабыв подобрать змей, и еле слышно признался:

— Я ходил в запретную зону.

Дуань Байюэ поднял руку.

Дуань Яо громко расплакался.

— Что происходит?! — из соседней комнаты выскочила женщина средних лет.

— Тётушка Цзинь! — с отчаянной надеждой вскрикнул Дуань Яо, начав рыдать ещё громче.

— Князь! — воскликнула она, поспешно прижимая подростка к себе. — Что случилось? Почему вы снова хотите ударить сяо-ванъе?!

— Спросите лучше, где он был! — раздражённо бросил Дуань Байюэ.

Дуань Яо всхлипывал, с трудом переводя дыхание.

— И куда ему ещё ходить, кроме как **? — тётушка Цзинь вытерла ему лицо. — Ему уже тринадцать. Что в этом такого? В следующий раз тётушка с ним пойдёт.

*В оригинальном тексте не указано, куда он ходил. Думаю, речь идёт о борделе. Но почему тогда тётушка должна идти вместе с ним?.. Слишком много вопросов.

Дуань Байюэ лишь покачал головой, не желая продолжать бессмысленный спор. Он развернулся и направился в сторону горы, решив лично посмотреть, что там произошло.

Дуань Яо тем временем тщательно вытирал нос рукавом.

«Подумаешь, запретная зона, где держат заключённых. Ну и что? Такой строгий...»

Когда Дуань Байюэ подошёл к восточному склону, он увидел: деревья были поломаны, будто после схватки. Пройдя ещё немного, он заметил мужчину с густой бородой, который сидел под деревом, восстанавливая дыхание.

— Мой младший брат молод и невоспитан. Если он проявил непочтительность к мастеру, прошу прощения, — остановился он в десяти шагах.

Мужчина открыл глаза и раздражённо бросил:

— Сходи лучше и спроси у своего отца, когда он, наконец, приготовит противоядие и выпустит меня отсюда!

<http://bllate.org/book/14135/1244325>